

На правах рукописи

АГАРКОВА Юлия Николаевна

**МОРАЛЬ И НРАВЫ
РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
(конец IV – V вв.)**

Специальность: 07.00.03 – всеобщая история
(история древнего мира)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Белгород – 2013

Работа выполнена на кафедре всеобщей истории и зарубежного регионоведения ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)

- Научный руководитель** **Болгов Николай Николаевич**
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и зарубежного регионоведения ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
- Официальные оппоненты** **Зубарев Виктор Геннадьевич**
доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- Зайцева Ирина Валерьевна**
кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
- Ведущая организация** ФГБОУ ВПО «Псковский государственный университет»

Защита состоится «13» декабря 2013 г. в 14-00 часов на заседании Диссертационного совета Д 212.015.11 при ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ») по адресу: 308007, г. Белгород, ул. Студенческая, 14, зал заседаний Ученого совета, ауд. 260.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Национального исследовательского университета «БелГУ».

Текст автореферата размещен на официальном сайте ВАК РФ <http://vak2.ed.gov.ru/> и на официальном сайте ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» <http://www.bsu.edu.ru>

Автореферат разослан «11» ноября 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

И.Т. Шатохин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования заключается в том, что переходные исторические эпохи имеют непреходящую важность, как для познания специфики исторического процесса, так и в современных условиях поисков путей модернизации нашего общества.

В последнее время значительно изменилось понимание эпохи поздней античности (IV-VI вв.)¹ как одной из наиболее сложных и противоречивых. По ряду параметров можно выделить это переходное время в самостоятельную историческую эпоху, в комплексе взаимодействия всех составляющих ее разнонаправленных факторов. Основным его содержанием является идея континуитета – преемственности между античной и византийской цивилизациями. Однако, на сегодняшний день феномен культурной преемственности двух эпох применительно к теме нашего исследования нуждается в актуализации и доработке. Тема также обладает непосредственной привлекательностью для нас, так как в современной исторической науке на первый план выходит изучение человека переходной эпохи в контексте всей цивилизации.

Происходящий сегодня (начавшийся в Европе в эпоху Просвещения, а в России в советский период) процесс дехристианизации, несмотря на некоторое оживление христианской традиции в современной России, зачастую дает многочисленные образцы сложного переплетения христианских, нехристианских, светских и прочих ценностей в картине мира, морали, нравах и бытовом поведении одного и того же человека. Поэтому живая картина изменений системы ценностей, морали и нравов, выраженных в бытовом поведении, важна нам на обоих полюсах – как в начале христианизации (ранняя Византия), так и на современном этапе изживания христианской традиции (в плане актуальности исследования).

Объектом исследования являются мораль и нравы ранних византийцев, выраженные в бытовом поведении.

Предметом настоящего исследования является процесс эволюции морали и нравов под воздействием процесса реальной христианизации.

Хронологические рамки работы охватывают ранневизантийский период, традиционно понимаемый как IV–VI вв., однако, в силу глубокого консерватизма социальных, культурных и прочих отношений в Византии, для более объективного освещения процесса исторической эволюции рассматриваемых тенденций, материал концентрируется вокруг более узких рамок – *конца IV – V вв.*, времени от преодоления последствий юлиановских реформ и начала деятельности Иоанна Златоуста в Антиохии – до времени Анастасия, завершившего процесс оформления Ранней Византии накануне юстиниановской эпохи (сложение «византинизма» относят обычно к VI – нач. VII вв.)².

¹ Болгов Н.Н. Поздняя античность и постклассический мир: очерки истории и культуры. Белгород, 2009. Поздняя античность на Востоке понимается нами как время, тождественное ранневизантийской эпохе.

² Haldon J.F. Byzantium in the Seventh Century. The Transformation of a Culture. Camb., 1990; Cameron, Averil. Continuity and Change in sixth-century Byzantium. L., 1981.

Территориально-географические рамки исследования охватывают собственно Византию, т.е. ее столицу – Константинополь, так как именно там нашли наиболее характерное выражение все основные рассматриваемые нами феномены и тенденции, а также в определенной степени территории Египта, Сиро-Палестинского региона, их крупнейших городов.

Целью диссертационного исследования является изучение состояния и эволюции реальной морали и нравов в ранневизантийском обществе, а также причин, характера и хода глубоких ментальных изменений, происходивших в этом обществе вследствие не формальной (IV в.), а реальной (V в.) христианизации.

В связи с поставленной целью были сформулированы **задачи** исследования:

- рассмотреть общее состояние процесса христианизации позднеантичного общества;
- выявить основные причины формальной победы христианства к концу IV в.;
- определить соотношение христианства и остатков язычества в V в.;
- проанализировать жизненный путь и деятельность Иоанна Златоуста как борца за реальную христианизацию морали и нравов;
- выявить и классифицировать направления борьбы Иоанна Златоуста за реальную христианизацию;
- рассмотреть христианские нравы и пережитки языческих нравов в общественной морали и поведении в конце IV – V вв.;
- изучить частные нравы и бытовое поведение ранневизантийского общества;
- проанализировать процесс ментального переворота, связанного с христианизацией, применительно к женщине, ее аксиологическим установкам и гендерному поведению;
- изучить особенности морали и бытового поведения в провинциях на примере их наиболее важных городов (Александрия Египетская, Антиохия, Газа, Кесария).

При этом мы специально не рассматриваем христианскую нормативную мораль и нравы, монашеский образ жизни. Основное внимание сосредоточено на переходности, на жизни и поведении как последних язычников, так и, главным образом, «поверхностных христиан», сохранивших в быту много языческих, или, точнее, дохристианских пережитков.

Методологической базой исследования, в первую очередь, является *цивилизационный подход* (О. Шпенглер¹, А. Тойнби² и др.) в истории, позволяющий увидеть различные стороны исторического процесса в движении. *Теория локальных цивилизаций* предоставляет историку возможность изучения сложных систем, в качестве которых рассматриваются локальные цивилизации.

¹ Философское обоснование: Шпенглер О. Закат Европы. В 2 тт. М., 1998.

² Применение к историческому процессу: Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 2006. В 3 тт.

лизации, в совокупности ее элементов и циклов, причем именно культура здесь считается основным критерием смены циклов.

Обновление теоретико-методологического арсенала привело к пересмотру традиционных представлений об историческом процессе и возможностях его познания. Это, прежде всего, деятельность французской школы «Анналов» (М. Блок, Л. Февр, Ж. Дюби, Ж. Ле Гофф и др.). Традицию школы «Анналов» в отечественной науке поддержали Ю.М. Лотман, М.М. Бахтин, А.Я. Гуревич, Л.М. Баткин и др. Интерес к «субъективной стороне истории» выразился и в появлении такого направления как *микроистория*. Понять эволюцию макросистем невозможно без изучения микросистемы – социально-психологической природы человека. Аспект исследований, связанный с изучением человека, отражен и в «*истории повседневности*» (Alltagsgeschichte). «*Интеллектуальная история*», активно разрабатываемая в последние десятилетия в ИВИ РАН и ряде других центров¹ ставит в центр внимания деятельность и труды представителей интеллектуальной элиты различных обществ, в том числе и поздней античности. В нашем случае, идеи св. Иоанна Златоуста как раз и представляют собой пример такого рода. В определенной степени специфическую окраску нашему исследованию придавал *гендерный аспект*, сквозь призму которого рассматривались некоторые изучаемые проблемы, в частности, изменение морали и нравов женщин Ранней Византии². Работа также опирается на известную *теорию континуитета* между античной и византийской эпохами³, концепцию Постклассического мира Поздней античности. В ходе работы мы также опирались как на методологически необходимые - на *принцип историзма* и на *комплексный подход* к источникам.

В диссертации использовались следующие **методы**. *Сравнительно-исторический метод* был использован при разработке процесса культурного континуитета между античностью и Ранней Византией в наиболее важных формах их взаимодействия и позволил выявить основные черты этого сложного процесса, который затронул не одно десятилетие в культуре поздней античности (Ранней Византии). *Метод системного анализа* выявил особенности эволюции системы взглядов Иоанна Златоуста на поставленную проблему. *Структурно-диахронный метод* использовался нами для изучения сущностно-временных изменений исторической реальности, так как он отличается от синхронного (то есть одновременного) анализа, который имеет целью раскрыть неизменные в определённом хронологическом отрезке свойства исторической действительности. *Герменевтический метод* применялся для осуществления анализа трудов Иоанна Златоуста с целью выявления его от-

¹ В том числе в БелГУ (Белгород): *Литовченко Е.В.* «Последние интеллектуалы» позднеантичной эпохи: традиция и транзитивность. Белгород, 2011.

² В России имеется пока лишь одно исследование такого рода применительно к эпохе Ранней Византии: *Смирницких Т.В.* Характер и специфика частной жизни женщины в Ранней Византии / Автореф. канд. дисс. Ставрополь, 2009. (работа выполнена в БелГУ).

³ В отечественной византистике ее сторонником был М.Я. Сюзюмов. В целом в советский период эта теория официально отвергалась, но не признать ее хотя бы частично фактически было невозможно. См.: *Удалцова З.В.* Историко-философские воззрения светских авторов ранней Византии // Византийские очерки. М., 1981. С. 9-10.

ношения к античному наследию и античным пережиткам в морали и нравах жителей империи. Для раскрытия исторического контекста рассматриваемого времени мы использовали *приём исторического описания*. Кроме того, нами был использован *историко-генетический метод*, показывающий генезис и эволюцию основных рассматриваемых в диссертации явлений. Безусловно, критерием истины должен являться *комплексный подход к источникам*, учитывающий достижения всех отраслей источниковедения.

Научная новизна. В данном диссертационном исследовании впервые:

1. Представлен процесс христианизации ранневизантийского общества, исходя из концепции «двоеверия» и двух уровней христианизации – номинального (формального) и реального (а исходя не традиционной концепции «обращения»);

2. Проанализировано наследие Иоанна Златоуста относительно реальной морали и нравов, бытового поведения византийцев с использованием современных методологических подходов;

3. Исследованы проблемы реальной христианизации византийцев с позиции светской исторической науки;

4. Рассмотрены гендерные аспекты процесса реальной христианизации в контексте концепции «двоеверия»;

5. Классифицированы языческие пережитки в поведении ранних византийцев как в частной, так и в общественной жизни;

6. Установлено доминирование смешанных проявлений христианской и языческой морали в общественной и частной сферах жизни в ранневизантийский период;

7. Исследованы региональные особенности и отличия христианизации, морали и бытового поведения (Константинополь, Александрия, Антиохия, Газа, Кесария Палестинская);

8. Установлена важная роль фактора сосуществования этноконфессиональных групп в ранневизантийском городе с различными уровнями конфликтности; это пересматривает традиционный унифицированный подход к населению города как к подданным империи;

9. Изучено влияние варваризации на мораль и нравы ранневизантийского общества.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Процесс христианизации морали, нравов и бытового поведения в ранней Византии был сложным, неоднозначным и длительным в силу сохранения определенного «двоеверия» (вопреки апологетической концепции «обращения»);

2. Наибольший вклад в углубление реальной христианизации жителей столицы империи (после христианизации номинальной) внес Иоанн Златоуст;

3. Языческие пережитки продолжали бытовать в целом ряде не только частных, но и общественных проявлений, интегрированных в жизнь больших городов империи;

4. Имела место определенная двойственность морали и бытового поведения массы формальных христиан, связанных с двойственностью мировоззрения (на основе «двоеверия»);

5. Претерпел серьезные изменения гендерный аспект, переход женщины от античной свободы к христианскому аскетизму;

6. Парадоксальным образом античные пережитки, противостоявшие христианству, приобрели уже позднеантичную форму – не простоты, а роскоши, не свободы, а удовольствий, не высокой культуры, а грубых развлечений;

7. Имелись определенные региональные отличия морали и бытовой жизни, вызванные различной этноконфессиональной ситуацией в городах.

Среди **источников** по теме преобладают сочинения св. Иоанна Златоуста¹ как наиболее показательные в отношении христианизации номинальной и реальной, борьбы за искоренение языческих традиций в морали, нравах и повседневной жизни.

Наиболее важны сочинения: «О девстве», «К молодой вдове (слово 1 и 2)», «Слово к жившим вместе с девственницами», «Слово к девственницам, жившим вместе с мужчинами», «Слово на Новый год», «О Лазаре», «Беседы к антиохийскому народу О статуях», «Против упивающихся и о Воскресении», «Беседа о том, что должно избегать притворного и неистинного вида», 17 «Бесед о браке», «Письма разным лицам», «Беседы на Книгу Бытия», «Пять слов об Анне», «Три беседы о Давиде и Сауле», «Беседы на слова пророка Давида «Не бойся, когда разбогатеет человек» (Пс. 48:17)», «Толкования на пророка Исайю», «На слова пророка Исайи», «Беседа против оставивших Церковь и ушедших на конские ристания и зрелища», «Толкования на св. Матфея евангелиста», «Беседы на Евангелие св. ап. Иоанна Богослова», «О цирке», «Беседы на Деяния Апостольские», «Беседы на Послание к римлянам», «Порицание растлевающим дев Христовых», «Беседы на I Послание к коринфянам», «Толкование на II послание к коринфянам».

Учение Златоуста о морали и нравах опиралось на достаточно древнюю общехристианскую нормативную концепцию семьи, восходящую к Посланиям ап. Павла и Писаниям мужей апостольских². Далее важен блок произведений *христианской богословской традиции*, ориентированный именно на повседневное поведение, мораль и нравы, преимущественно частные, частносемейные. Это сочинения апологета II в. Ермы, св. Игнатия Богоносца, св. Иустина Философа, Афинагора Афинского, Феофила Антиохийского, Минуция Феликса и творения Ранних Отцов Церкви - александрийских учителей Климента и Оригена, «Пир десяти дев, или О девстве» Мефодия Патарского.

Воззрения св. Отцов так называемого классического, золотого века христианской письменности (IV в.) также заслуживают большего внимания, так как в это время среди восточных христиан появилось достаточно широко

¹ Ioannes Chrysostomus. Opera omnia // PG. – Т. 47-64; Творения св. отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 1-12. СПб., 1898; Т. 1-10. М., 2006.

² Писания мужей апостольских. СПб., 1895. С. 26.

распространившееся отрицательное отношение к браку вообще, вследствие чего некоторые брачные пары разлучались и удалялись от мира¹, широко распространилось монашество, имели место и другие проявления крайнего аскетизма. Это труды св. Василия Великого, св. Григория Богослова, Епифания Кипрского.

Весьма важна *церковно-историческая традиция*, представленная сочинениями Евсевия Кесарийского, Сократа Схоластика, Эрмия Созомена, Евагрия Схоластика, Феодорита Киррского, Филосторгия.

Среди *специальных исторических сочинений* светских авторов первое место по количеству фактов и глубине анализа событий принадлежит, безусловно, Прокопию Кесарийскому². Рассказывая о крупных исторических событиях, великий историк не забывает и о морали и нравах своих сограждан («Тайная история»³). Некоторую информацию о периоде до 410 г. мы сможем найти у важного византийского придворного Зосима. Для нас здесь наиболее важно то обстоятельство, что сам историк был одним из последних язычников-интеллектуалов, разумеется, скрытых, который позволил себе с языческих позиций изложить историю империи в своем труде в 6 книгах «Новая история»⁴. Важнейшими источниками являются хроникальное сочинение позднеантичного автора Марцеллина Комита и «Хронография» Иоанна Малалы⁵.

Дополнительный разнообразный материал мы можем получить из *агиографических сочинений*⁶, к которым нужно подходить с известной долей осторожности, но которые дают много важных деталей (А.П. Рудаков⁷, М.В. Бибиков⁸), а также исторический фон, особенно в начальной своей части, где, рассказывая о мирской жизни будущих христианских подвижников и подвижниц, авторы достаточно много места уделяют их частной жизни. В агиографических текстах⁹ наиболее интересны бытовые реалистические исторические детали, а также собственно гендерный аспект, объясняющий многие мотивы поведения.

¹ См. *Arjava A. Women in the Christian Empire: Ideological Change and Social Reality // Studia Patristica. Vol. XXIV / ed. E.A. Livingstone. Leuven, 1993. P. 6-9.*

² *Чекалова А.А. Прокопий Кесарийский: личность и творчество // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. СПб.: Алетейя, 1998. С. 345-373.*

³ Прокопий. Тайная история. М., 1996; *Панченко Б. О «Тайной истории» Прокопия // Византийский временник (ВВ). 1895. Т. 2. С. 24-57, 340-371; 1895. Т.3. С. 96-117, 300-316, 460-527; 1897. Т. 4. С. 402-521.*

⁴ Зосим. Новая история. Белгород, 2010; *Болгов Н.Н. Зосим – последний античный историк // Вопросы истории. 8. 2006. С. 157-166; Розенталь Н.Н. Религиозно-политическая идеология Зосима // Древний мир. М., 1962. С. 611-617.*

⁵ *The Chronicle of John Malalas. Melbourn, 1986; Самуткина Л.А. Концепция истории в «Хронографии» Иоанна Малалы. Иваново, 2001; Studies in John Malalas. Sydney, 1990; Recherches sur la chronique de Jean Malalas. Vol. I. Paris, 2004; vol. II. Paris, 2006.*

⁶ Анализ традиции см.: *Delehaye H. L'ancienne hagiographie byzantine. Bruxelles, 1991; Delehaye H. Les legendes hagiographiques. Bruxelles, 1955; Delehaye H. Synaxaires byzantins, menologies, typica. L., 1977.* Анализ исследований в области агиографии за последние полвека сделал И. Шевченко: *Ševčenko I. Observations on the Study of Byzantine Hagiography in the last Half-Century. Toronto, 1995.*

⁷ *Рудаков А.П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. СПб., 1997.*

⁸ *Бибиков М.В. К проблеме историзма византийской агиографии // Византийские очерки. М., 1996. С. 50-55.*

⁹ *Романютенко Е.В. Некоторые аспекты изучения византийской житийной литературы в отечественной и зарубежной историографии // Наш Анабасис. Вып. 1. Н. Новгород, 2003. С. 44-52; Women and Miracles in Christian Biography [IVth-Vth Centuries] // Studia Patristica. 25. 1993. P. 5-228.*

Таким образом, письменным источникам принадлежит решающее место в проблематике нашего исследования.

Дополнительный характер может иметь археология, памятники материальной культуры, которые дают подтверждения тем или иным проявлениям в общественной жизни, описываемым в письменных источниках, а также эпиграфика.

Следовательно, имеющихся в нашем распоряжении источников вполне достаточно для решения основных задач предпринятого нами исследования.

Степень изученности темы. Начать историографический обзор стоит с отечественных исследователей, работавших в *светской исторической науке* в Российской империи в *конце XIX - начале XX вв.* Отдельные (небольшие) оценки и характеристики можно извлечь из общих трудов по истории Византии, подготовленных в России в начале XX века. Это книги выдающихся отечественных византистов, классиков исторической мысли Ю.А. Кулаковского¹, Ф.И. Успенского², А.А. Васильева³.

Церковно-историческая наука того времени проявляла больше интереса к истории общественного и бытового поведения ранних византийцев, однако, рассмотрение данного круга проблем выглядело вполне апологетически. Тем не менее, важен в ряде аспектов классический труд по истории церкви В.В. Болотова «Лекции по истории Древней Церкви». Существенную роль в данном контексте сыграл также А.А. Спасский⁴.

Специально к наследию Иоанна Златоуста обращался целый ряд авторов⁵, однако, лишь в богословском аспекте. Углубленным пониманием учения святителя Иоанна Златоуста о семье проникнута книга М. Григорьевского «Учение святителя Иоанна Златоуста о браке»⁶. Эта книга – итог дореволюционной историографии по теме. В ней автор не может не признать наличия в империи значительных следов формально побежденного язычества, проявляющихся в морали и нравах ее жителей.

В *советский период* вышло только одно специальное исследование быта и нравов Византии - М.А. Поляковской и А.А. Чекаловой⁷, но эта книга посвящена всей истории империи, а раздел о Ранней Византии скорее описывает бытовое поведение и нравы жителей, но не ориентирует на определявшие факторы – христианские нормы и языческие пережитки. В принципе близкий текст лежит в основе раздела «Быт и нравы» в первом томе академических очерков «Культуры Византии»⁸. При всем блеске и глубине этого

¹ Кулаковский Ю.А. История Византии. В 3 тт. СПб., 1996.

² Успенский Ф.И. История Византийской империи. В 3 тт. М., 1998.

³ Васильев А.А. История Византии. В 2 тт. М., 1998.

⁴ Спасский А.А. Эллинизм и христианство: История литературно-религиозной полемики между эллинизмом и христианством за раннейший период христианской истории. СПб., 2006.

⁵ Гроссу Н., свящ. Основной характер проповеди св. Иоанна Златоуста. К., 1907; Попов И.В. Святой Иоанн Златоуст и его враги // *он же*. Труды по патрологии. Т. 1: Святые отцы II-IV вв. Сергиев Посад, 2004. С. 330-367 и др.

⁶ Григорьевский М. Учение святителя Иоанна Златоуста о браке. М., 2007.

⁷ Поляковская М.А., Чекалова А.А. Быт и нравы в Византии. Свердловск: УрГУ, 1989.

⁸ Культура Византии. IV – первая половина VII вв. М., 1984. С. 632-667.

очерка, он также не акцентирует внимание на «двоеверии», на степень реальной христианизации как основе морали и нравов.

Интересные исследования есть у А.П. Каждана¹ и Г.Г. Литаврина². Их работы дают информацию о картине мира византийского общества, что отложило свой отпечаток на мораль и нравы. Однако, эти исследования касаются преимущественно времени с IX-X вв. и далее, что выходит за наши хронологические рамки.

Таким образом, в советский период исследований в сфере «субъективной истории» практически не было, и только с начала 90-х гг. XX в. вновь появляются работы, выдержанные в русле данного направления, но уже ориентированные скорее на достижения западных ученых или возрождение традиций отечественной церковно-исторической науки. Здесь важны работы А.В. Горайко «О духовенстве Константинополя на примере деятельности архиепископа Иоанна Златоуста»³, М.Ю. Грыжанковой «Иоанн Златоуст в социуме Ранней Византии и России»⁴.

Весьма важен ряд трудов ведущего петербургского византиста Г.Л. Курбатова, работавшего на протяжении 60-90-х гг. Среди его произведений есть исследования истории ранневизантийской Антиохии, очерк жизни и деятельности Иоанна Златоуста среди прочих «Ранневизантийских портретов» и др.⁵ Методологически весьма важно, что еще в 1984 г. Г.Л. Курбатов обратился к «позднеантичной стадии развития», пытаясь осмыслить наработки британской школы П. Брауна.

Комплексное исследование церковных историй Ранней Византии, их информативных возможностей и общекультурного значения предпринято И.Ю. Ващевой⁶. Несколько ранее эти проблемы были обозначены И.В. Кривушиным⁷.

Общий ход процесса христианизации империи и его итоги к концу IV в. исследованы в монографии М.М. Казакова⁸.

Интерес к частной жизни и гендерным аспектам истории значительно активизировался в России на протяжении последних двух десятилетий. Однако, новое поколение византологов, к сожалению, не представило до сих пор сколько-нибудь значительного исследования на рассматриваемую тему. Поэтому, по нашему мнению, данная тема интересна и перспективна для разработки⁹.

¹ Каждан А.П. Византийская культура. М., 1968; СПб., 1997 и др.

² Литаврин Г.Г. Как жили византийцы. СПб., 1998.

³ Горайко А.В. О духовенстве Константинополя на примере деятельности архиепископа Иоанна Златоуста // Мир Византии. Белгород, 2007. С. 57-63.

⁴ Грыжанкова М.Ю. Иоанн Златоуст в социуме Ранней Византии и России. Саранск, 2002.

⁵ Курбатов Г.Л. История Византии. М., 1984; он же. Ранневизантийские портреты. Л., 1991; он же. Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.). Л., 1962.

⁶ Ващева И.Ю. Феномен «Церковных историй» в эпоху поздней античности / Автореф. докт. дисс. Белгород, 2013.

⁷ Кривушин И.В. Ранневизантийская церковная историография. СПб., 1998.

⁸ Казаков М.М. Христианизация Римской империи в IV веке. М., 2003.

⁹ Муравьева М.Г. Гендерная история в российском ВУЗе: нужна ли она? // Гендерная история: pro et contra. СПб., 2000. С. 3-20.

«Женская» проблематика, но вряд ли собственно гендерная методология, представлены в отечественной науке статьей А.А. Чекаловой о Юлиане Аниции¹.

В самые последние годы проблемы частной жизни ранневизантийского общества стали разрабатываться в некоторых аспектах Н.Н. Болговым² в рамках научного направления кафедры всеобщей истории БелГУ, где изучаются различные стороны истории и культуры поздней античности (в духе концепции Постклассического мира). Общей оценке места женщины в Ранней Византии была посвящена монография Н.Н. Болгова и его соавторов³, где дается первый в отечественной науке очерк истории частной жизни ранневизантийской женщины через призму психосоматических рефлексий и ментального переворота, связанного с христианизацией. Частично здесь авторы касаются и проблем ранневизантийской семьи.

Исследования в области позднеантичной религии и ее взаимоотношений с христианством продолжили Л.А. Ельницкий⁴, А.Д. Пантелеев⁵, М.А. Ведешкин⁶.

Важные обобщающие и справочные сведения содержат последние книги С.Б. Сорочана⁷.

Таким образом, в ходе краткого историографического обзора очевидно, что, несмотря на относительно большое количество существующих работ, в поставленном нами ракурсе данная тема еще не являлась предметом специального исследования в отечественной науке.

Зарубежная литература по данной проблематике представлена более широко, нежели отечественная.

К исследователям по кругу проблем, связанных с историей церкви, Ранней Византии и ее общества в интересующем нас контексте можно отнести ряд авторов и их работы XIX – начала XX вв.: Л. Дюшена⁸, Э. Пюша⁹, А. Тьерри¹⁰, Ф. Шаффа¹¹ и др.

Для *послевоенного периода* общеисторические работы о поздней античности в мировой науке делятся на две группы. Первая – это традиционные

¹ Чекалова А.А. Образ византийской аристократки конца V – начала VI в. (Юлиана Аниция и ее эвергетическая деятельность) // Мир Александра Каждана. СПб., 2003. С. 138-149.

² Болгов Н.Н. Аскетический идеал частной жизни женщины в Ранней Византии // Кондаковские чтения – II. Проблемы культурно-исторических эпох. Белгород: БелГУ, 2008. С. 200-204 и др.

³ Болгов Н.Н., Смирницких Т.В., Сбитнева Ю.Н. Частная жизнь женщины в Ранней Византии. Белгород, 2009.

⁴ Ельницкий Л.А. Византийский праздник Брумалий и римские сатурналии // Античность и Византия. М., 1975. С. 340-350.

⁵ Пантелеев А.Д. Античная религия в сочинениях христианских апологетов // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 6. СПб., 2007.

⁶ Ведешкин М.А. Языческая оппозиция христианизации восточноримского города (на примере Газы Палестинской) // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. № 1(144). Вып. 25. Белгород, 2013. С. 11-18.

⁷ Сорочан С.Б. Византия: парадигмы быта, сознания и культуры. Харьков, 2011; *он же*. Ремесло медиевиста. Харьков, 2013.

⁸ Дюшен Л. История древней Церкви. Т.2. М., 1912.

⁹ Пюш Э. Св. Иоанн Златоуст и нравы его времени. СПб., 1897.

¹⁰ Тьерри А. Святой Иоанн Златоуст и императрица Евдоксия. М., 1884.

¹¹ Шафф Ф. История христианской церкви. - Т.2. Доникийское христианство. 100-325 гг. СПб., 2007.

исследования о «падении Римской империи», «гибели античного мира» и т.п. Завершением и исчерпанностью данной темы к 60-м гг. XX в. можно считать монументальный труд Арнольда Х. Джонса¹. Вторая группа исследований восходит к трудам британских историков 70-80-х гг. XX в., обратившихся к поздней античности не просто как к переходному периоду, а как к самостоятельной и самоценной исторической эпохе «Поздней античности» или «Постклассического мира» (к. III – VII вв.)². Авторами и апологетами новой концепции являются Питер Браун³, Эврил Кэмерон⁴, Алан Кэмерон⁵, Гленн Бауэрсок⁶ и др. Совместный труд П. Брауна, Г. Бауэрсока, О. Грабара⁷ представляет собой краткий, но емкий современный «портрет» эпохи, а также новейший словарь понятий и терминов, характеризующих период поздней античности. Работы П. Брауна ищут место для частной жизни и женщины в его концепции поздней античности. В одной из книг он тщательно проанализировал отношение к женщине и браку в христианской и специально в патристической традиции Запада и Востока⁸. В другом исследовании он впервые обратился к истории частной жизни данного периода⁹. Новое в исследовании позднеантичной эпохи связывается с восприятием ее как отдельного целостного периода истории, а не просто переходного времени¹⁰. Этот подход закреплен и в соответствующем томе «Кембриджской древней истории»¹¹.

Исследование различных аспектов общественной¹² повседневной жизни в Византии дается в работах Фидона Кукалеса, Кирилла Манго¹³, Тамары Талбот Райс¹⁴. В небольшой степени исследовались региональные языческие праздники, пережитки языческих традиций в общественной жизни - ипподром, мимы.

¹ Jones A.H.M. The Late Roman Empire. L., 1964.

² Ващева И.Ю. Концепция поздней античности в современной исторической науке // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Серия История. 2009. № 6(1). С. 220-231; Ляпустина Е.В. Поздняя античность - общество в изменении // Переходные эпохи в социальном измерении. История и современность. М., 2002. С. 31-46; Болгов Н.Н., Литовченко Е.В., Смирницких Т.В. Поздняя античность: специфика эпохи и новые подходы к изучению // Гуманитарная наука в современной России: состояние, проблемы, перспективы развития: в 2 тт. Белгород, 2007. Т.1. С. 47; Болгов Н.Н. Поздняя античность: очерки истории и культуры. Белгород, 2009.

³ Brown P. Power and Persuasion in Late Antiquity. Towards a Christian Empire. Madison, 1992; Brown P. The Making of Late Antiquity. L., 1978; Brown P. The World of Late Antiquity. AD 150-750. L., 1971.

⁴ Cameron, Av. Continuity and Change in sixth-century Byzantium. L., 1981.

⁵ Cameron A. Das spate Rom: 284-430 n. Chr. München, 1994.

⁶ Bowersock G. Hellenism in Late Antiquity. Ann Arbor, 1990.

⁷ Late Antiquity: A Guide to the Postclassical World. Cambr. Mass.; L., 1999.

⁸ Brown P. The Body and Society: Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity. New York, 1988; Эюпова Д.Г. Питер Браун и его концепция тела, пола и секса в поздней античности («тело и общество: мужчины, женщины и сексуальное воздержание в раннем христианстве») // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. № 7(102). Вып. 18. Белгород, 2011. С. 72-80.

⁹ Brown P. Late Antiquity. A History of Private Life. Vol. I: From Pagan Rome to Byzantium / ed. P. Veyne. - Cambridge, Mass. 1987.

¹⁰ Селунская Н.А. Осень Средневековья и Поздняя Античность: как антиковеды с медиэвистами историю делили // Диалог со временем. 13. 2004. С. 212-228; Селунская Н.А. «Late Antiquity»: историческая концепция, историографическая традиция и семинар «Empires unlimited» // ВДИ. 2005. № 1. С. 189-201.

¹¹ The Cambridge Ancient History. Late Antiquity: Empire and Successors, AD 425-600 / Ed. A. Cameron. Cambr., 2000.

¹² Jenkins R.J.H. Social Life in Byzantium // Cambridge Medieval History. Vol. IV: The Byzantine Empire. Part II: Government, Church and Civilisation. Cambridge: Cambridge UP, 1966. P. 255-278.

¹³ Mango C. Daily Life in Byzantium // JOB. 1981. P. 327-354.

¹⁴ Райс Т. Византия: быт, религия, культура. М., 2006.

Труды, посвященные различным сторонам гендерного аспекта, подготовили Джиллиан Кларк¹, Мирто Хатцаки², Жоэль Бокам³ (рецензия Роджера Багналла⁴), Антти Арьява⁵, Джудит Херрин⁶, Лиз Джеймс⁷. Сексуальная жизнь – одна из наиболее важных сторон частной жизни и индикатор степени реальной христианизации позднеантичного общества⁸. Специально сексуальные аспекты у Иоанна Златоуста (не называемые им непосредственно) стали предметом изучения Элизабет Кларк⁹.

Еще больше внимания уделялось феномену античного гетеризма, который почти без изменений перешел в ранневизантийскую эпоху и превратился в проституцию, лишь морально осуждаемую церковью (да и то не всегда), но неистребимую и не истреблявшуюся в христианские времена как социальный институт (Ставрула Леонтсини и др.)¹⁰.

Отдельная большая тема в контексте рассматриваемых нами проблем – это «последние язычники». Здесь наиболее фундированное исследование подготовил Пьер Шувен¹¹. Не утратила своего значения и более ранняя работа Дж. Геффкена¹². Для более позднего периода VI в. ретроспективно важна работа Д. Константелоса¹³ и др.

Наконец, новое прочтение собственно религиозных отношений эллинистических культов и христианства и христианизации представил Ф. Тромбли¹⁴.

По истории крупнейших городов и регионов Ранней Византии следует назвать ряд важных работ: относительно Константинополя – это фундаментальные исследования Жильбера Дагрона¹⁵ и Раймона Жанена¹⁶; Египта – труды Кристофера Хааса¹⁷ (Александрия) и Роджера Багналла¹⁸, Антиохии –

¹ Clark, Gillian. *Women in Late Antiquity: Pagan and Christian Lifestyles*. Oxford, 1993; Эюнова Д.Г. Джиллиан Кларк и ее книга «Женщины в Поздней античности: языческий и христианский образы жизни» // Классическая и византийская традиция. 2012. Белгород, 2012. С. 164-169.

² Hatzaki, Myrto, *Beauty and the Male Body in Byzantium. Perceptions and Representations in Art and Text*. L., 2009.

³ Beaucamp, Joëlle. *Le statut de la femme à Byzance (4e-7e siècle): II: Les pratiques sociales* (Trav. et mém. du Centre de recherche d'histoire et civilisation de Byzance, monogr. 6). Paris, 1992; Beaucamp, Joëlle. *La situation juridique de la femme à Byzance* // Cahiers de civilisation médiévale. 20. 1977. P. 145-176; Beaucamp, Joëlle. *Femmes, patrimoines, norms a Byzance*. Paris, 2010.

⁴ Bagnall, Roger S. *Women, Law and Social Realities in Late Antiquity: A Review Article* (Beaucamp) // Bull. of the Amer. Society of Papyrologists. 32. 1995. P. 65-86.

⁵ Arjava A. *Women and Law in Late Antiquity*. Oxf., 1996.

⁶ Herrin J. *Public and Private Forms of Religious Commitment among Byzantine Women* // *Women in Ancient Societies* / Ed. L. Archer, S. Fischler. L., 1994. P. 191-203.

⁷ *Women, Man and Eunuchs. Gender in Byzantium* / Ed. L. James. L.-N.Y., 1997.

⁸ Laiou A.E. *Sex, Consent and Coertion in Byzantium* // *Consent and Coertion to Sex and Marriage in Ancient and Medieval Societies*. Washington, 1993; Beck H.-G. *Byzantinisches Erotikon*. B., 1994.

⁹ Clark E. *Sexual Politics in the Writings of John Chrysostom* // *Anglican Theological Review*. 59. 1977. P. 3-20.

¹⁰ Leontsini S. *Die Prostitution im fruhen Byxanz*. Wien, 1989.

¹¹ Chuvin P. *A Chronicle of the Last Pagans*. Cambridge, 1990.

¹² Geffcken J. *The last days of Greco-Roman paganism*. Amsterdam; New York; Oxford, 1978.

¹³ Constantelos D.J. *Paganism and the State in the Age of Justinian* // *The Catholic Historical Review*. 50. 1964. P. 372-380.

¹⁴ Trombley F.R. *Hellenic religion and Christianization*, с. 370-529. II, 2 тт. Boston; Leiden, 2001.

¹⁵ Dagron G. *Naissance d'une capitale: Constantinople et ses institutions de 330 à 451*. Paris, 1974.

¹⁶ Janin, Raymond. *Constantinople Byzantine*. 2 ed. Paris, 1964.

¹⁷ Haas K. *Alexandria in Late Antiquity: Topography and Social Conflict*. Johns Hopkins Univ. Press, 2007.

¹⁸ Bagnall R. *Egypt in Late Antiquity*. Princeton, 1993; *ibid.* *Women's Letters from Ancient Egypt, 300 BC – 800 AD*. Ann Arbor, 2006.

Гленвилла Дауни¹ и Вольфа Либешютца², Сирии и Палестины – Хагит Сиван³, Газы - Брурии Биттон-Ашкелони⁴ и Яны Чехановец⁵.

Важными работами для характеристики эпохи и рассматриваемого нами круга проблем относительно варварского вопроса являются исследования Альберта Герхарда о роли готов в Константинополе в связи с варваризацией нравов и деятельностью Иоанна Златоуста⁶, Алана Кэмерона об эпохе Аркадия и Златоуста, а также влиянии варваров в Константинополе⁷.

Для лучшего понимания взглядов Иоанна Златоуста мы также обращались к работам церковно-исторических авторов середины - 2-й половины XX века - П. Штокмайера⁸, Р. Вилькена⁹, Х. Кампенхаузена¹⁰, П. Муляра¹¹, Р. Брендле¹². Светская историческая наука вновь обратилась к учению Иоанна Златоуста в лице Дж. Келли¹³, и к его жизни и трудам - в работах В. Либешютца¹⁴.

Огромным подспорьем для исследователя являются монументальные просопографические своды по поздней античности и Ранней Византии, подготовленные британскими учеными¹⁵.

Таким образом, в зарубежной исторической науке также нет специального сочинения, которое было бы посвящено анализу реальной повседневной морали и нравов ранневизантийского общества. Имеющиеся работы затрагивают почти исключительно богословские, политические, культурологические, этнические и прочие аспекты, оставляя в стороне человека во всем многообразии его картины мира, аксиологических установок, морали и нравов, а также основанного на них реального поведения как в общественной, так и в частной сфере. Большинство авторов исходят или из парадигмы «обращения»¹⁶, неуклонного перехода в христианство большинства населения империи. Причем речь идет об «окончательной», полной и последовательной хри-

¹ Downey G. A history of Antioch in Syria: from Seleucus to the Arab conquest. - Princeton University Press, 1961.

² Liebeschuetz W. Antioch: City and Imperial Administration in the Later Roman Empire. Oxford, 1972.

³ Sivan H. Palestine in Late Antiquity. Oxford; New York, 2008.

⁴ Bitton-Ashkelony B. Christian Gaza in Late Antiquity. Boston. 2004.

⁵ Чехановец Я.М. «Marnas victus est a Christo». К вопросу о христианизации древней Газы // Мнемон. 5. СПб., 2006. С. 421-456.

⁶ Albert, Gerhard. Goten in Konstantinopel. Untersuchungen zur oströmischen Geschichte um das Jahr 400. Paderborn, 1984.

⁷ Cameron, Alan. Barbarians and Politics at the Court of Arcadius. Berkeley, 1993.

⁸ Stockmeier, Peter. Johannes Chrysostomus // Gestalten der Kirchengeschichte. Bd. 2. Stuttgart 1984. S. 125-144.

⁹ Wilken, Robert L. John Chrysostom and the Jews. Rhetoric and Reality in the Late 4th Century, Berkeley 1983.

¹⁰ Campenhausen, Hans von. Johannes Chrysostomos // Griechische Kirchenväter. Stuttgart, 1955. S. 137-152.

¹¹ Moulard A. Saint Jean Chrysostome: Sa vie, son oeuvre. Paris, 1949.

¹² Брендле Р. Иоанн Златоуст: проповедник, епископ, мученик. М., 2008.

¹³ Kelly J.N.D. Golden Mouth: The Story of John Chrysostom-Ascetic, Preacher, Bishop. New York, 1998.

¹⁴ Liebeschuetz W. Friends and Enemies of John Chrysostom // Maistor: Classical, Byzantine and Renaissance Studies for Robert Browning / Edited by Ann Moffat. Canberra, 1984. P. 85-111; Liebeschuetz W. The Fall of John Chrysostom // Nottingham Medieval Studies. 29. 1985. P. 1-31.

¹⁵ Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire. Part I: AD 260-365. - Cambr., 1971; The Prosopography of the Later Roman Empire. Part II: AD 365-526 / Ed. by J.R. Martindale. - Cambr., 1980; The Prosopography of the Later Roman Empire. Part III: AD 527-641 / Ed. by J.R. Martindale. - Cambr., 1992.

¹⁶ Правда, сама идея обращения не связывается исключительно с христианством: Нок А.Д. Обращение. Старое и новое в религии от Александра Великого до Блаженного Августина. СПб., 2011.

стианизации, на фоне которой действовали отдельные «последние язычники», тоже последовательные и убежденные. По нашему мнению, более правильно было бы вести речь об уровнях христианизации – номинальном (формальном) и реальном, и о неизбежно проистекающей отсюда концепции «двоеверия», более гибкой и сложной, чем концепции «обращения».

В историографии в большей степени разработаны следующие аспекты:

- нормативные ориентиры христиан в повседневной жизни (вместе с тем, принимаемые за реальные, что в действительности было не так);
- история повседневности в Византии в целом;
- образ жизни женщины-христианки, образ жизни женщины-язычницы, правовые аспекты статуса женщин;
- соматические репрезентации мужчин и женщин в Ранней Византии; секс и проституция в Ранней Византии;
- Иоанн Златоуст и его учение о нормативных правилах поведения христианина в обществе и дома;
- история отдельных регионов Ранней Византии;
- история последних язычников как отдельной автаркичной социальной группы, или микрогруппы (что также не соответствует действительности).

Неизученные аспекты и общая концептуальная основа «двоеверия» сформулированы в разделе «Научная новизна» исследования.

Тема морали и нравов в Ранней Византии практически не разрабатывалась в России, и лишь в последние годы постановка проблем такого рода началась в БелГУ.

Тема работы была поддержана *грантами*: Госконтракт ПЗ22 «Человек переходной эпохи: Поздняя античность - Ранняя Византия» (рук. д.и.н., проф. Н.Н. Болгов), реализуемый в НИУ «БелГУ» в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры современной России. 2009-2013» мероприятия 1.2.1. «Проведение научных исследований научными группами под руководством докторов наук»; Внутривузовский грант БелГУ для аспирантов и студентов 2007 г.

Теоретическая и практическая значимость заключается в возможности дальнейшей научной разработки заявленных проблем и в использовании материалов и выводов диссертации в ходе осуществления учебного процесса в высших учебных заведениях, в частности, при разработке лекционных курсов по «Истории древнего мира», «Истории средних веков», «Истории Византии», «Истории мировых религий», гендерной истории, спецкурсов.

Специальность диссертации **соответствует шифру специальности** 07.00.03 – всеобщая история (история древнего мира) согласно паспорту специальности, соответственно областям исследования областям исследования 2. История Древнего мира (история Античности), 8. История цивилизации, стран, народов, регионов, 18. Человек в истории, 22. История религии и церкви, 23. Гендерная история.

Апробация результатов диссертационного исследования проводилась в виде докладов на международных и всероссийских научных конференциях

в 2007-2013 гг.: «Сергеевские чтения» (Москва, 2011), «Актуальные проблемы истории древнего мира» (Киев, 2011), Чтения памяти проф. Н.П. Соколова (Нижний Новгород, 2010), «Власть и общество» (Воронеж, 2009), «Могилянские чтения» (Киев, 2007), «Проблемы истории и археологии Украины» (Харьков, 2008), «Каразинские чтения» (Харьков, 2007, 2009, 2011), «Одесские чтения» (Одесса, 2010), «Актуальные проблемы исторической науки» (Днепропетровск, 2010), «Боспорские чтения» (Керчь, 2009, 2011), «Средневековые древности Восточной Европы» (Чернигов, 2008), «Кондаковские чтения» (Белгород, 2010, 2013), «Классическая и византийская традиция» (Белгород, 2008-2011, 2013), «Мир Византии» (Белгород, 2007), «Белгородский диалог» (Белгород, 2009, 2011). Работа обсуждалась на кафедре всеобщей истории и зарубежного регионоведения НИУ «БелГУ».

По результатам исследования было опубликовано 24 работ, в том числе 3 в изданиях по списку ВАК РФ, 1 в изданиях РИНЦ, монография и учебное пособие (в соавторстве).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, объединяющих 11 параграфов, заключения, списка использованной литературы, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность выбранной темы, раскрывается методология исследования, обозначаются объект и предмет исследования, приводятся хронологические и территориально-географические рамки исследуемой проблемы, формулируются цель и задачи работы, анализируется методология и дается обзор методов, проводятся источниковедческий и историографический анализ, обозначаются научная новизна работы, ее практическая значимость и апробация исследования, а также приводятся положения, выносимые на защиту.

Первая глава: «Этапы и ход процесса христианизации позднеантичного общества» состоит из двух параграфов и дает общую картину религиозного состояния позднеантичного общества.

§ 1 «*Формальная победа христианизации к концу IV века*». Культурный и религиозный кризис, который Римская империя переживала в IV в., является одним из самых важных моментов всемирной истории. Древняя языческая культура столкнулась с христианством, которое, будучи признано Константином Великим в начале IV в., было объявлено в конце того же века Феодосием Великим религией господствующей. Христианство и языческий эллинизм в период IV-VI вв. постепенно слились в одно целое и создали христианско-греко-восточную культуру, которая и получила название византийской. Политика всех императоров IV столетия, кроме Юлиана, целенаправленно поддерживала церковь. В результате, антиязыческое законодательство Феодосия привело к формальному запрету язычества полностью и официальному государственному христианству. Но это была лишь формальная победа христианизации.

§ 2 «Христианство и пережитки язычества с V в. «Двоеверие». Проблема реальной христианизации позднеантичного общества». Формальные запреты официального исповедания языческих культов не привели к их искоренению в быту. Многие христиане, внешне приняв новую веру, сохранили старую картину мира, систему ценностей, мораль и нравы, что проявлялось в общественной и частной сферах, в поведении. Поэтому мы можем постулировать не только весьма продолжительный период сепаратного сосуществования, но и взаимопереплетения несовместимых на наш современный взгляд картин мира и мировоззрений. С догматической точки зрения невозможно быть «недохристианином» или одновременно христианином и язычником (хотя и в отдельных проявлениях). Однако, в реальной жизни позднеантичного общества Ранней Византии такое все же случалось, и достаточно часто. Иначе будет необъяснимо, почему один из крупнейших государственных чиновников эпохи Анастасия – Зосим – пишет чисто языческую историю (а ведь доступ язычникам на государственную службу был закрыт законами Феодосия Великого более чем за столетие до этого). Помимо сохранения просто прослойки собственно язычников (CTh., XVI; Cod. Just. I, 11.9.3), речь идет именно о «смутном состоянии» умов, морали и нравов массы формальных христиан (Proc. Caes. Hist. Arc. XI, 31-32). Таким образом, мы вправе постулировать наличие феномена (или даже эпохи) «двоеверия»¹, полагая, что наиболее активно он проявился в столетие после антиязыческих указов Феодосия I, в ходе борьбы за реальную христианизацию морали и нравов ранневизантийского общества. Лишь в VI в. «смутное состояние» большинства христиан (т.е. формальных христиан) переходит в более реальное христианство, а остатки собственно язычников искореняются.

Глава вторая: «Константинополь рубежа IV-V вв. и борьба за реальную христианизацию» состоит из пяти параграфов и раскрывает сущность процесса христианизации в новой столице Римской империи.

§ 1 «Иоанн Златоуст и его борьба за реальную христианизацию морали и нравов в повседневной жизни» исходит из того, что в Константинополе на рубеже IV-V вв. началась активная борьба за реальную христианизацию формальных христиан, связанная с деятельностью патриарха Иоанна Златоуста (400-404). В его жизни и сочинениях детально описаны все проблемы, с которыми боролся святитель. Это, в первую очередь, внутрицерковные проблемы, образ жизни духовенства. Под огонь критики патриарха попадает обычай сожителства с «духовными сестрами», роскошь и неумеренность в материальных благах. Далее в многочисленных проповедях лучший христианский оратор обращается ко всей огромной массе формальных христиан, жителей столицы, которое, несмотря на наличие здесь ядра государства, императорского двора, церковного центра, военного командования было достаточно пестрым. Оно делилось по сословному принципу на: императорский двор и придворных, сенаторскую знать², военную знать,¹ верхушку церков-

¹ В истории Древней Руси такой феномен признается вплоть до XIV в. включительно.

² Чекалова А.А. Сенаторская знать Ранней Византии. М., 2000.

ного клира, насельников столичных монастырей, муниципальное городское население, делившееся на димы и факции,² негражданское население – слуги, рабы. По этноконфессиональному принципу население столицы также не было однородным: двор, военное командование, центральный государственный аппарат (канцелярии) были официально латиноязычными³, помимо ортодоксов в столице проживали другие группы христиан – ариане, несториане и др., евреи и самаритяне⁴, германцы, этнические землячества армян, сирийцев, коптов, африканцев, исавров и др. Среди этого разнообразного населения, находившегося в постоянном движении, конечно, преобладали светские ценности, общественное и частное поведение, несмотря на наличие большого количества храмов и монастырей. До победы христианского аскетизма было еще очень далеко. Поэтому деятельность Иоанна Златоуста по углублению реальной христианизации морали и нравов на повседневном поведенческом уровне была необходимой и неизбежной.

Основные пороки населения Константинополя, связанные с пережитками язычества, но не общечеловеческие и внутренние христианские, можно классифицировать следующим образом:

1. *Собственно античные пережитки общественной жизни*: театральные зрелища, конские ристалища на ипподроме, публичные травли зверей, пережитки античных праздников календарного цикла смены сезонов (Новый год, праздники весны, урожая и др.).

2. *Античные пережитки в частной жизни*: оргиастика и неумеренность свадебных церемоний (πομπή); неумеренность в трапезе и пиршествах, чревоугодие; пьянство; неумеренность в эмоциях, смех; неумеренность в речах, «срамные и постыдные песни», слова, прибаутки, суеверия.

3. *Античные пережитки в интимной жизни*: проституция, прелюбодения; сластолюбие и похоть, противоестественные вожделения⁵.

4. *Гендерный аспект*⁶: проживание дев-христианок в домах духовенства; роскошь женщин в украшениях, одежде, обуви, распущенность поведения женщин-христианок, семейное насилие.

5. *Отступления от нормативного поведения христианина, вызванные как языческими пережитками, так и нетвердым усвоением христианства*: неумеренная пышность похорон, приход в храм как повод «себя показать и на других поглазеть», разглядывание в храме девушек и женщин, шум и разговоры в храме, делание чего-либо благочестивого лишь для вида, «пиршества для тунеядцев», неумеренная скорбь на похоронах.

Наконец, важным и недооцененным аспектом наследия Иоанна Златоуста является его проповедь этноконфессионального мира в условиях боль-

¹ Глушанин Е.П. Военная знать Ранней Византии. Барнаул, 1991.

² Cameron A. Circus Factions: Blues and Greens at Rome and Byzantium. Oxf., 1976.

³ Болгов К.Н. Латинский сегмент культуры Ранней Византии. Автореф. канд. дисс. Белгород, 2013.

⁴ Jews in Byzantium: Dialectics of Minority and Majority Cultures. Brill, 2011.

⁵ Hartney A. Manly women and womanly men: the subintroductae and John Chrysostom // Desire and Denial in Byzantium: Papers from the Thirty-First Spring Symposium of Byzantine Studies / Ed. L. James. Aldershot, 1999. P. 45-76.

⁶ Mayer W. Constantinopolitan Women in Chrysostom's Circle // Vigiliae Christianae. 53. 1999. P. 265-288.

шого города¹, а также мирная миссионерская работа по обращению в христианство инославных.

Глубокий парадокс «дела Иоанна Златоуста», его смещения и ссылки при поддержке церковных и государственных верхов заключался в том, что его призывы не только к борьбе с пережитками античной оргиастики, но и к христианскому идеалу в реальной жизни, оказались никому не нужны. Этот идеал в результате сосредоточился за монастырскими стенами, а Византия сохранила в целом светский характер своей общественной и частной жизни, включавший (достаточно органично) множество античных пережитков.

§ 2 «Христианское и языческое в общественной жизни» отмечает, что, в отличие от латинского Запада, Византия сохранила городской характер цивилизации, традиции муниципального самоуправления, систему образования. В значительной степени именно эти традиции послужили основой для инкорпорации некоторых античных традиций в общественную жизнь христианской империи. Среди главных проявлений генетически античного (языческого), правда, лишившегося своего религиозного содержания, в общественной жизни Ранней Византии следует назвать: сохранение некоторых элементов топографии города, в том числе сакральной; общественную жизнь димов и факций (партий цирка); зрелища (ипподром, мимы, травли зверей); празднества, связанные с календарным циклом, сменой сезонов и др.

В ранневизантийских городах сохранялось все, что связано было с бытом античных городов – площади, улицы, общественные центры и др. Новым элементом топографии города стали христианские храмы. Сохранялись масштабные общественные игры, которые финансировались муниципальной знатью по распоряжению императорской власти. Достаточно хорошо изученная деятельность партий цирка (А. Камерон, А.А. Чекалова и др.) была характерна не только для Константинополя, но и для Антиохии, и других городов. Ипподром и конные ристания остались единственным массовым зрелищем, которое поддерживалось государством (но не церковью) именно в связи с деятельностью партий цирка, а также как ритуал общения императора с народом в столице. Мимы также поддерживались государством ради «отдыха и развлечения трудящихся», но церковью безусловно осуждались. Помимо праздников христианского годового круга в империи в значительной мере сохранились генетически античные празднества: Новый год, вступление консулов в должность, праздники весны (розалии в Газе), урожая (освящение винограда 15 августа и др.), а также праздники, связанные происхождением с римскими сатурналиями и имеющие смысл смены социальных ролей и гармонизации социальных отношений – брумалии, амикалии, русалии, бриты.

Общественные проявления античных пережитков имели несколько различный характер. Если деятельность партий цирка подменяла собой в значительной степени политическую борьбу, то зрелища (мимы, ипподром) и празднества несли в себе ощутимые следы языческих культов, а также провоцировали жителей городов империи на разгул страстей, чревоугодий, эмо-

¹ Wilken R.L. John Chrysostom and the Jews. Rhetoric and Reality in the Late 4th Century. Berkeley, 1983.

ций в ущерб христианскому аскетизму. Поэтому церковь вела с указанными явлениями борьбу. Однако, императорская власть по ряду причин относилась безразлично или прямо разрешала некоторые из этих явлений, которые были необходимы государству как выход социального напряжения или безобидный календарный ритуал. Здесь можно вести речь об адаптации ранневизантийской культурой некоторых элементов античной общественной жизни, прямо не связанных с языческими религиозными ритуалами. Там же, где такую связь можно было усмотреть (праздники сезонного цикла, связанные с сельскохозяйственными работами), языческое происхождение праздника элиминировалось и не акцентировалось. Это происходило как на центральном, так и на региональном уровне.

§ 3 «Христианское и языческое в частной жизни» показывает, что частная жизнь византийцев характеризуется сочетанием позднеантичных традиций с христианской религиозностью.

Ранневизантийская семья и брак, несмотря на христианизацию, сохранили много античных пережитков. Это ранние браки, торжественное шествие (помпа) с безудержным весельем и непристойными шутками, и неумеренное застолье, не отвечающие никаким представлениям о христианском аскетизме. Часто происходили пиршества, не связанные со свадьбами. Весьма часто проявлялась роскошь в одеждах, внешнем виде, украшениях. Античная простота уступила место культу материальных благ и показного богатства, словно в противовес утверждавшимся христианским нормам. В это время происходила «революция в одежде», связанная с переходом к закрытым одеждам с рукавами и штанами и вызванная восточными и варварскими влияниями. Сохранялись и античные традиции отношения к гигиене, воде, баням, что также не вполне одобрялось церковью. Не обходились византийцы и без амулетов и примитивной магии. Масса повседневных пережитков жизни в большом городе делала невозможным соблюдение всех христианских предписаний в области морали и нравов, выразившихся в поведении. Поэтому имело место именно сосуществование двух чуждых друг другу традиций в жизни одних и тех же людей. Все люди знали христианские нормативные требования, но в целом ряде аспектов их частной повседневной жизни доминировали античные традиции. Разнонаправленные мораль и нравы не пересекались, а работали каждая в своей сфере жизни.

§ 4 «Гендерный аспект морали и нравов в ходе реальной христианизации» обращает внимание на то, что в результате христианизации основные поведенческие характеристики античной женщины – выраженное гендерное поведение и интимная жизнь – оказались фактически под запретом. Женщина-христианка в поведенческом аспекте должна была в принципе отказаться от своей половой идентичности¹. Идеалом была провозглашена асексуальность, девство, которое заместило собой почти всю женскую идентичность².

¹ James L. Women, Men and Eunuchs: Gender in Byzantium. L., 1997; Yarbrough, Anne. Christianization in the Fourth Century: The Example of Roman Women // Church History. 45. 1976. P. 149-165.

² Clark, Elizabeth A. Women in the Early Church. Wilmington, 1983; Clark, Elizabeth A. Women, Gender, and the Study of Christian History // Church History. 70. 2000. P. 395-426.

Вторая дозволенная ипостась женщины – это мать семейства, которая имеет интимные отношения с супругом исключительно для продолжения рода. Слово «целомудрие» в христианском дискурсе греческого языка стало обозначаться термином σωφροσύνη¹, что, как известно, в античности означало, прежде всего, «умеренность».

Античными пережитками в жизни ранневизантийской женщины были: проституция, сохранение античной свободы сексуального поведения, сохранение светского образа жизни. Своеобразной формой сублимации повышенной жизненной активности были эвергетическая деятельность в городах, а также уход в монастырь. Путь «от гетеры до игуменьи» в ранневизантийское время стал наиболее ярким и глубоким проявлением ментального переворота, связанного с христианизацией. Каждая женщина должна была лично сама прийти к христианству, осознать свою греховность.

§ 5 «Влияние варваризации на мораль и нравы византийцев» рассматривает один из фундаментальных аспектов формирования облика ранневизантийской культуры помимо христианства, античного наследия и восточных влияний. Варваризация морали и нравов населения происходила под влиянием многочисленных германских воинов и их командиров, расположившихся в столице. В провинциях оживились местные языки и традиции. Варвары, переселившиеся на территорию империи, чаще всего привлекались на военную службу в качестве федератов (энспондов). Компактные поселения варваров-земледельцев на территории империи становились важным фактором экономической и политической системы государства. Наконец, на военной службе варвары могли достичь самых высоких постов и порой вершили судьбы государства. Языческие авторы обычно настроены к варварам резко отрицательно, ведь, будучи наследниками греко-римской культуры, они испытывали ненависть к варварам, разрушающим их культуру». Отношение же христиан к варварам было несколько сложнее. Одни выражали отвращение к завоевателям, разорявшим земли христиан. Другие считали засилье варваров наказанием за прегрешения. Церковь начала среди варваров миссионерскую деятельность. Варваризация проявлялась в модах на германскую и гуннскую одежду и внешний вид, в грубости нравов. Здесь варварский фактор хорошо накладывался на простонародную, «низменную» сторону античных нравов и морали, лишенную культурных традиций муниципальной знати. Очевидно, что христианская церковь вела борьбу с проявлениями оргиастики, безудержного чревоугодия, показной роскоши, любви к зрелищам, травлям зверей и пр., которые происходили от варваров, так же, как и с теми, что происходили от язычников.

Глава третья: «Особенности христианизации морали и нравов в провинциях» раскрывает сущность процесса христианизации в борьбе с пережитками язычества в крупных городах провинций империи.

¹ О смене смыслов терминов см.: Протопопова И.А. Ксенофонт Эфесский и поэтика иносказания. М., 2001. С. 37-39, 53-54.

§ 1 «Александрия Египетская». Первый мегаполис античного мира в ранневизантийский период сохранял значение крупнейшего города империи¹. Константинополь до VI в. еще не «перевесил» Александрию ни по количеству населения, ни по влиятельности церковной организации. Патриарх Александрийский был фактически также и светским владыкой Египта. Здесь очень рано распространилось христианство, в окрестностях Александрии зародилось монашество. Но здесь также имели место отсутствие единства и напряженные споры среди христиан, были очень сильны античные пережитки, иудейская традиция, а также остатки древнеегипетских культов. Спецификой социальной жизни в Александрии было достаточно конфликтное сосуществование различных этноконфессиональных групп. Особенности морали и нравов в Александрии можно считать контрастными и конфликтными отношения между этноконфессиональными группами вплоть до эксцессов насилия (убийство Гипатии, разгром Серапеума). Противопоставляя себя «другим», каждое сообщество культивировало свои ценности, поэтому говорить о сосуществовании античного и христианского в массе «формальных христиан» здесь не приходится. Христиане были здесь более воинственны и ригористичны, последние язычники – также, хотя и в несколько меньшей степени.

§ 2 «Антиохия Сирийская». В IV в. язычество довольно быстро утрачивает свое значение в жизни Антиохии. И до IV в. христиане составляли в этом городе очень солидное меньшинство, окончательный же перелом настроений населения в пользу христианства произошел в начале IV в.² В этот период здесь происходили острые бои между христианством и язычеством. В дальнейшем, на протяжении IV в., мы уже не встречаем острых конфликтов христиан и язычников, которые еще имели место в других городах. Язычество здесь все более становилось пассивной формой протеста против упадка муниципальной организации. Глубокой веры в языческие культы, по-видимому, не сохранили даже ведущие представители языческой культуры. Либаний, столь страстно выступавший в защиту языческих храмов, в конце IV в., когда судьба язычества была уже окончательно решена, отнюдь не отличался особой духовной привязанностью к языческим культам. Он был скорее «политическим» язычником. Христианство здесь также не отличалось единством: ригоризм никейцев оттеснялся на задний план более мягким арианством. Играл важную роль и сирийский фактор. Собственно античные пережитки сводятся к продолжению крупных общественных игр, борьбы партий цирка, языческих сезонных фестивалей Майумы, Календ, Дионисий и др. В IV в. был еще весьма популярен театр, однако, на протяжении V-VI вв. от него остались только мимические представления. До конца IV в. проводятся местные Олимпиады. Ипподром с конца IV в. становится главным центром политической активности. И Либаний, и Иоанн Златоуст, каждый со своих по-

¹ Haas Ch. Alexandria in Late Antiquity. Topography and Social Conflict. Baltimore; L: The Johns Hopkins University Press, 2006.

² Liebeschuetz W. Antioch: City and Imperial Administration in the Later Roman Empire. Oxford, 1972.

зиций, но оба единодушно свидетельствуют о том, что популярность состязаний колесниц в IV в., особенно во второй половине IV в., стремительно возрастала. Идет перестройка и значительное расширение старого ипподрома, а в конце V в. строится новый около императорского дворца; официальной резиденции правителя. Закрытие, а затем разрушение крупнейших местных храмов и ликвидация важнейших языческих культов в ходе христианизации не вызвали волнения среди широких слоев населения города, но на деле языческая культура еще долго оставалась живой силой. Здесь имел место близкий константинопольскому вариант сосуществования христианской и языческой морали и нравов (т.е. каждой традиции свое место и время), но христиане в целом были более ригористичны.

§ 3 «Газа Палестинская». В ранневизантийский период (IV – нач. VII вв.) Газа стала одним из крупнейших и важнейших городов сиропалестинских провинций, важнейшим региональным центром¹. Христианство появилось здесь очень рано, но долго не пускало глубоких корней. Язычество здесь было не только античным, но и в значительной мере имело местную восточную окраску. Объективное усиление позиций христианства и рост влияния Церкви, равно как и сопутствовавшее ему ослабление муниципальной организации вызывало в среде полисной аристократии резкую антипатию по отношению к христианству и его последователям². На рубеже IV-V вв. епископ Порфирий руководит целенаправленной и организованной христианизацией города. Не обошлось без эксцессов, но за V век складывается уникальный культурный синтез, принесший наиболее гармоничный вариант ранневизантийской культуры VI в., давший Газскую школу, в которой мирно уживались христианское содержание и классическая риторическая форма. Ранневизантийская Газа предстает как крупнейший центр интеллектуальной жизни на ранневизантийском Востоке, по сути - второй город региона после Антиохии. Сохранившаяся письменная традиция ранневизантийской Газы – одна из наиболее обширных. Повседневная мораль и нравы жителей Газы представляли собой внешне и внутренне христианизированную сферу, органично впитавшую многие античные ценности. Здесь церковь не опасалась языческих пережитков (например, праздника розалий), так как «живая античность» уже ушла в прошлое, став лишь культурной традицией. Светский образ жизни средиземноморского портового города нивелировал многие острые углы во взаимоотношениях граждан.

§ 4 «Кесария Палестинская». Статус метрополии, столицы провинции Палестина I, положение крупнейшего города Палестины, сохранение муниципальной организации, наличие высших школ, деятельность крупных писателей (Ориген, Евсевий Кесарийский, Прокопий Кесарийский) делало Кесарию Приморскую местом сохранения многих античных традиций. Украшением города был великолепный Ипподром, на котором в течение всего ранневизантийского периода продолжались конские ристания и общественные

¹ Bitton-Ashkelony B. Christian Gaza in Late Antiquity. Boston. 2004.

² Van Dam R. From Paganism to Christianity at Late Antique Gaza // Viator. 16. 1982. P. 1-20.

игры. В Кесарии существовала известная школа, где изучали греческую и латинскую литературу, риторику. Среди питомцев этой школы – Григорий Неокесарийский, Григорий Богослов¹. В Кесарии при школе трудами Оригена, Памфила, Евсевия Кесарийского была создана обширная библиотека, вторая после Александрийской, выступавшая хранителем традиций классической культуры и образа жизни населения. В церковной жизни Востока епископ Кесарии и его кафедра занимали второе место после Антиохии. Кроме того, в окрестностях города находилось много христианских монастырей. Вместе с тем, напряженная теологическая работа, традиции школы Оригена привели к тому, что в городе достаточно сильные позиции занимал оригенизм. Помимо христиан и язычников, в городе проживали также этноконфессиональные группы иудеев и самаритян². Иудеи, будучи «подвижным меньшинством», обзавелись в городе синагогами, школами и даже талмудической академией, находившейся в северо-западном углу города близ Агоры. Иудеи и самаритяне иногда поднимали мятежи. Во 2-й четверти V в. здесь в ходе христианизации был разрушен основной языческий храм города – храм богини Ромы и Августа, но в течение нескольких лет он был восстановлен и окончательно закрыт лишь в конце V в. Около 500 г. здесь возводится крупная христианская октагональная церковь со стенами из великолепного камня, с мраморными коринфскими капителями. Процесс смены главного храма города христианским в процессе христианизации в Кесарии был более мирным, чем в Газе при сокрушении культа Марны. Причина, видимо, в том, что Марна был восточным божеством, а главный храм богини Ромы в Кесарии пользовался поддержкой провинциальной имперской администрации. Прокопий Кесарийский пишет о том, что в городе в его время было немало крипто-христиан, новообращенных из язычников, а частично – из иудеев и самаритян (Hist. Arc. XI, 32), которые лишь по имени были христианами, но еще помнили свой закон, который они исповедовали до обращения. В целом, процесс христианизации муниципальной знати здесь был длительным и охватывает V-VI вв. Перелом происходит тогда, когда к обращению в христианство склоняются члены булэ – городского Совета, они же крупные земельные собственники. Языческие пережитки в области нравов концентрируются вокруг театра, мимов, ипподрома, которые посещали все этноконфессиональные группы³, причем актерами в мимах были в основном иудеи.

Таким образом, каждый из крупных провинциальных городов империи, рассмотренных в главе, имел свою специфику в ходе процесса христианизации и вызванных им изменений в морали и нравах населения. Но везде, в большей или меньшей степени, имел место период определенного «двоеверия», сосуществования старого и нового – органичный, как в Газе, конфликтный, как в Александрии.

¹ *Schemmel F.* Die Schule von Caesarea in Palästina // *Philologische Wochenschrift.* 45. 1925. S. 1277-1280.

² *Sivan H.* Palestine in Late Antiquity. Oxford; New York, 2008. P. 304.

³ *Holum K.* Identity and the Late Antique City: The Case of Caesarea // *Religious and Ethnic Communities in Later Roman Palestine.* Bethesda, 1998. P. 168.

В столице основная масса населения - формальные христиане - находилась в самой сложной ситуации – раздвоенного сознания, двоемыслия. По мере укрепления христианства, отпадения провинций, дезурбанизации VII в. почвы для светского городского античного образа жизни и соответствующих ему морали и нравов практически не осталось.

Заключение представляет собой подведение итогов диссертационного исследования и основные выводы, полученные в результате решения его задач.

Основное содержание диссертации отражено в ряде публикаций.

Публикации в изданиях по списку ВАК РФ:

1. *Сбитнева (Агаркова), Ю.Н.* Конфликт отторжения: готы в Византии в конце IV в. // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. № 7(78). Вып. 14. Белгород, 2010. С. 44-48 (0,4 п.л.).

2. *Сбитнева (Агаркова), Ю.Н.; Болгов, Н.Н.; Ляховская, О.В.* Бани Зевксиппа в Константинополе: античный комплекс в сердце христианской столицы // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. № 19(114). Вып. 20. Белгород, 2011. С. 28-34 (авт. вклад 0,3 п.л.).

3. *Сбитнева (Агаркова), Ю.Н.* Мораль и бытовое поведение в Византии эпохи Иоанна Златоуста в зеркале историографии // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. № 17(57). Вып. 26. Белгород, 2013. С. 30-33 (0,3 п.л.).

Публикации в изданиях, включенных в РИНЦ:

4. *Сбитнева (Агаркова), Ю.Н.; Болгов, Н.Н.* Соматические рефлексии и репрезентации ранневизантийской женщины // Античная древность и средние века. Вып. 40. Екатеринбург, 2011. С. 31-39 (авт. вклад 0,3 п.л.).

Монографии и учебные пособия:

5. *Сбитнева (Агаркова), Ю.Н.; Болгов, Н.Н.; Смирницких, Т.В.* Частная жизнь женщины в Ранней Византии. Белгород, 2009. 170 с. (авт. вклад 0,5 п.л.).

6. *Сбитнева (Агаркова), Ю.Н.; Болгов, Н.Н.; Будаева, Н.С.* История одежды и костюма в Византии. Белгород, 2009. 96 с. (авт. вклад 0,5 п.л.).

Прочие публикации:

7. *Сбитнева (Агаркова), Ю.Н.* Христианская семья и бытовое поведение по Иоанну Златоусту // Каразінські читання (історичні науки). Харків, 2009. С. 289-290 (0,2 п.л.).

8. *Сбитнева (Агаркова), Ю.Н.; Болгов, Н.Н.; Рябцева, М.Л.* 308 готских мучеников эпохи гуннского нашествия // Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья (Боспорские чтения X). Керчь, 2009. С. 356-362 (авт. вклад 0,2 п.л.).

9. *Сбитнева (Агаркова), Ю.Н.; Рышковская, А.Ю.* Женское монашество на раннем византийском Востоке // Духовная культура народов Европы и Востока в контексте истории цивилизаций. Белгород, 2009. С. 57-62 (авт. вклад 0,2 п.л.).

10. *Сбитнева (Агаркова), Ю.Н.* Семейное воспитание византийцев эпохи Иоанна Златоуста // Вестник СНО. Вып. XIII. Белгород: БелГУ, 2009. С. 62-66 (0,3 п.л.).

11. *Сбитнева (Агаркова), Ю.Н.* Св. Иоанн Златоуст о христианской семье и браке // Проблемы духовно-нравственного воспитания на Белгородчине: православные традиции и светская культура. Белгород, 2009. С. 34-39 (0,3 п.л.).
12. *Сбитнева (Агаркова), Ю.Н.; Болгов, Н.Н.* Ранневизантийский феномен святости раскаявшихся блудниц // *Nogria*. Вып. VI. Воронеж: ВГУ, 2009. С. 208-214 (авт. вклад 0,3 п.л.).
13. *Сбитнева (Агаркова), Ю.Н.* Ранневизантийская семья в трудах св. Иоанна Златоуста // Классическая и византийская традиция. 2009. Белгород, 2009. С. 114-117 (0,3 п.л.).
14. *Сбитнева (Агаркова), Ю.Н.; Болгова, А.М.* Риторическое образование на Римском Востоке в IV в. и школа Либания // Классическая и византийская традиция. 2009. Белгород, 2009. С. 125-127 (авт. вклад 0,2 п.л.).
15. *Сбитнева (Агаркова), Ю.Н.; Болгов, Н.Н.; Рышковская, А.Ю.* Феномен «аскетизма в миру» женщин Ранней Византии // Проблемы взаимоотношений цивилизаций в процессе исторического развития. Белгород, 2010. С. 67-73 (авт. вклад 0,2 п.л.).
16. *Сбитнева (Агаркова), Ю.Н.; Рышковская, А.Ю.* Афинаида-Евдокия: образ в контексте частной жизни ранневизантийской женщины // Классическая и византийская традиция. 2010. Белгород, 2010. С. 80-84 (авт. вклад 0,2 п.л.).
17. *Сбитнева (Агаркова), Ю.Н.* Афинаида-Евдокия: портрет в контексте частной жизни // *Одіссос*. Актуальні проблеми історії, археології та етнології. Вип. 2. Одеса, 2010. С. 211-212 (0,2 п.л.).
18. *Сбитнева (Агаркова), Ю.Н.; Рышковская, А.Ю.* Последний эксцесс античной оргиастики (илиопольские мученицы эпохи Юлиана (Soz. V,10) // XVII Сергеевские чтения (2-4 февраля 2011 г.). Сборник тезисов. М.: МГУ, 2011. С. 51 (авт. вклад 0,1 п.л.).
19. *Сбитнева (Агаркова), Ю.Н.* Иоанн Златоуст в Хронике Марцеллина Комита // *Каразінські читання (історичні науки)*. Харків, 2011. С. 78-79 (0,2 п.л.).
20. *Сбитнева (Агаркова), Ю.Н.; Рышковская, А.Ю.* Афинаида (Евдокия): портрет в контексте частной жизни // *Історичні етюди*. Вип. 3. Дніпропетровськ, 2011. С. 52-54 (авт. вклад 0,2 п.л.).
21. *Сбитнева (Агаркова), Ю.Н.* Иоанн Златоуст в «Хронике» Марцеллина Комита // *Белгородский диалог–2011*. Белгород, 2011. С. 53-54 (0,2 п.л.).
22. *Сбитнева (Агаркова), Ю.Н.* Фаиспарта и Абрагадза: к вопросу о религиозном и этнокультурном сознании боспорянок конца V в. // *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и Средневековья. Взаимовлияние культур*. Керчь, 2011. С. 22-26 (0,3 п.л.).
23. *Сбитнева (Агаркова), Ю.Н.; Болгова, А.М.* Церковь св. Стефана в Газе по описанию Хорикия // *Классическая и византийская традиция*. 2011. Белгород, 2011. С. 189-190 (авт. вклад 0,1 п.л.).
24. *Агаркова, Ю.Н.; Болгов, Н.Н.; Рышковская, А.Ю.* [Рецензия] Войтович Л.В., Домановський А.М., Козак Н.Б., Лильо І.М., Мельник М.М., Сорочан С.Б., Файда О.В. *Історія Візантії. Вступ до візантиністики*. - Львів: Апріорі, 2011. – 880 с. // *Ученые записки исторического факультета БелГУ*. Вып. 3. Белгород, 2012. С. 74-76 (авт. вклад 0,2 п.л.).